

Постсоветское наследие. Конфликты и солидарность на Северном Кавказе

Анжелика Каимова

менее минуты назад

 Приоритетный источник в Google

Горцы в национальной одежде, иллюстративная фотография

Споры о границах, исторической памяти, культурном наследии и традициях на Северном Кавказе являются привычным явлением. В соцсетях и публичных дискуссиях банальный разговор об авторстве песни или танца легко превращается в конфликт. Однако в моменты трагедий жители разных республик объединяются: на поиск пропавших, для сбора средств на благотворительность или помощи пострадавшим от стихийных бедствий. Почему чувство общности проявляется именно в кризисы и оказывается ли оно сильнее многолетних обид – разбирались Кавказ.Реалии.

Дискуссии о прошлом и настоящем давно стали частью общественной жизни региона. Каждый год в преддверии годовщины сталинских депортаций 1944 года с новой силой вспыхивают споры вокруг [Ауховского района](#) Дагестана. Не теряют остроты и территориальные разногласия между Чечней и Ингушетией, а также

Ингушетией и Северной Осетией. Несмотря на официальные соглашения и проведённое разграничение, для многих местных жителей эти вопросы остаются болезненными – они регулярно провоцируют взаимные претензии.

Не меньше страстей вызывают вопросы культурного наследия: кому принадлежит старинная песня, чьими являются башни, орнаменты, элементы национального костюма или танцы. Поводом для споров становится буквально всё, что связано с идентичностью. И если начинается дискуссия с истории или фольклора, то в соцсетях она быстро перерастает в эмоции и взаимные обвинения.

При этом собеседники редакции Кавказ.Реалии отмечают парадокс: чем острее споры в мирное время, тем быстрее они утихают при чрезвычайных обстоятельствах. В дни испытаний на смену разногласиям приходит сплоченность.

“ Ругаются дагестанцы и чеченцы, чеченцы и ингуши, ингуши и осетины

Так было во время войны в Чечне в 1990-х и 2000-х годах. Тысячи беженцев нашли приют у родственников, знакомых и незнакомых людей в Ингушетии, Дагестане, Карачаево-Черкесии и других соседних

регионах. Несмотря на тяжёлую обстановку, жители Кавказа до сих пор вспоминают прежде всего человеческую солидарность – готовность поделиться последним и открыть двери своего дома.

Ещё одним примером стал теракт в Беслане в 2004 году. В первые же часы трагедии жители соседних республик ехали в Северную Осетию, сдавали кровь, собирали деньги и вещи для пострадавших. Эта беда мгновенно перестала быть локальной – её как собственную боль переживал весь Северный Кавказ.

Похожий отклик вызвала и трагедия 2025 года, когда в Чечне утонул семилетний Джабраил Мудаев. На его поиски съехались сотни добровольцев из Кабардино-Балкарии, Ингушетии, Дагестана и Ставрополя.

Взаимовыручка проявилась и во время катастрофических наводнений в Дагестане: из соседних регионов сразу пошли денежные переводы и гуманитарные грузы, а волонтеры ехали в пострадавшие районы разбирать завалы и развозить продукты.

Одним из последних наиболее резонансных примеров стали поиски восьмилетнего Хизира Дербичева в Ингушетии. В течение восьми дней сотни добровольцев со всего Северного Кавказа круглосуточно прочёсывали местность, поддерживали семью мальчика. Позже произошедшее назвали символом сплоченности, а в соцсетях даже предлагали объявить 15 июня "Днём единства".

Почему же люди, готовые часами конфликтовать в интернете, в реальной жизни без колебаний приходят друг другу на выручку? Чтобы разобраться в этом контрасте, Кавказ.Реалии пообщались с жителями республик.

Житель Ингушетии, иллюстративная фотография

Житель Чечни Руслан отмечает, что во время бедствий люди откликаются искренне – и это настоящая, непридуманная солидарность. Но постоянным это состояние не становится:

"Кризис проходит, возвращаются конкуренция, споры, разница во взглядах, старые обиды".

Другой житель Чечни, Салман, признаётся, что в поисках Хизира Дербичева участия не принимал, но внимательно следил за ними. Сначала происходящее вызывало у него гордость, но позже в соцсетях начались дебаты о том, кто именно обнаружил тело мальчика: "Я, как чеченец, поймал себя на том, что мне стало даже неловко перед ингушами. Потому что это была их беда. Да, ребёнка искал, можно сказать, весь Кавказ, все переживали, но потом всё превратилось в спор, кто "главнее". Как будто не человека искали, а трофей делили".

Багаудин из Ингушетии, напротив, убеждён, что кавказское единство – это не эпизодическая реакция, а норма повседневной жизни. Оно проявляется не только в чрезвычайных ситуациях, но и в быту, в дороге и общении. Он приводит случай из личного опыта: недавно в ресторане Грозного при попытке оплатить счёт он узнал, что за него уже заплатили чеченцы, сидевшие за соседним столиком. Подобные жесты, подчеркивает Багаудин, – обычная человеческая взаимовыручка, которая существует вопреки дискуссиям о разобщенности.

Впрочем, он признаёт: есть и те, кто не заинтересован в единстве. Некоторые сознательно подхватывают болезненные темы, раздувая их до конфликтов. И именно это, считает собеседник, искажает реальность, создавая ощущение тотального противостояния: "Но в конечном счёте у всех нас один итог. Тогда уже не остаётся предмета для споров – каждому достанутся свои два метра земли".

“ Создаётся впечатление, что мы то ругаемся, то объединяемся

Усман из Урус-Мартановского района Чечни считает, споры вокруг истории и культуры провоцируются искусственно: "Мне кажется, многие конфликты просто раздувают провокаторы. Когда существовала Чечено-Ингушская АССР, у нас была общая культура:

одни танцы, одна кухня, одни традиции. Мы танцевали под одну лезгинку, пели одни и те же песни – просто на разных языках. И когда сегодня начинают делить музыку, историю, башни, мне это не нравится. Для меня всё это было и остается общим чечено-ингушским достоянием".

Жительница Ингушетии Тамара отмечает, что история Хизира Дербичева проявила чувство общей ответственности – в самые тяжёлые моменты люди перестают делить друг друга по национальностям: "Да, мальчика, к огромному горю, спасти не удалось. Но для меня было очень важно увидеть, какой отклик его судьба получила далеко за пределами Ингушетии – в том числе среди народов, между которыми есть напряжение и непростая история".

Идеализировать ситуацию не стоит, отмечает собеседница, но взаимопомощь, уважение к жизни и сострадание всё ещё сильнее разделяющих факторов.

Асвад из Чечни убеждён, что люди часто сами подогревают напряжение вокруг второстепенных вопросов: "И правда у всех своя. Ругаются дагестанцы и чеченцы, чеченцы и ингуши, ингуши и осетины. Это во многом наследие СССР, когда между народами заложили искусственные поводы для раздора, чтобы поддерживать управляемый сверху конфликт и мешать сближению".

Контраст между интернет-ссорами и реальной взаимопомощью Асвад объясняет разницей между теми, кто пишет комментарии, и теми, кто действует: "Когда нет беды, слышны в основном провокаторы и анонимы, которые прячутся за никами, – говорит собеседник. – А в реальной жизни на помощь приходят совсем другие люди – те, кто не жалеет себя и готов поддержать соседей в трудную минуту. Поэтому и создаётся впечатление, что мы то ругаемся, то объединяемся. На самом деле это просто разные люди и разные проявления".

При этом житель Чечни уверен, что традиции добрососедства и взаимного уважения в регионе всё равно глубже любых интернет-споров: "В крови наших народов живёт дух предков, которые завещали жить в дружбе и согласии, соблюдать горские обычаи и в беде вставать плечом к плечу, помогая друг другу".

На фестивале в Чечне, иллюстративная фотография

Кто не с нами, тот против нас?

Руководитель информационного отдела чеченского национально-освободительного движения United Force ("Единая Сила") Сайхан Музаев считает, что общая история неизбежно формирует у народов Северного Кавказа чувство близости. Именно поэтому в минуты беды люди откладывают разногласия: "Это показали и поиски утонувшего ингушского мальчика, когда помочь вышли люди самых разных национальностей, и похороны [Юсупа Темирханова](#), на которые пришли представители разных народов Кавказа. Такие моменты напоминают, что солидарность сильнее любых споров", – говорит Музаев.

Он добавляет, что противоречия в регионе не возникают сами по себе – их подогревает политика федерального центра по принципу "разделяй и властвуй": "При этом я убеждён, что большинство вопросов между самими народами Кавказа можно и нужно решать напрямую – через диалог, взаимное уважение и поиск компромиссов, а не через конфронтацию".

Подобные процессы характерны не только для Северного Кавказа, но и для всего постсоветского пространства, указывает кавказовед, профессор Карлова университета в Праге Эмиль Аслан: "Наследие" СССР, по его мнению, сохраняется

до сих пор – в частности, представление о "титульной нации" и её особых правах на землю в пределах исторически закреплённых границ.

“ И в советское время, и последние 25 лет кавказцы живут без реальных представителей

"Люди вообще часто альтруисты и склонны помогать друг другу в трудные минуты. Мы видим это не только на Северном Кавказе, но и, например, в отношениях между армянами и азербайджанцами или народами бывшей Югославии – сербами,

боснийцами, хорватами. В повседневной жизни люди нормально общаются. Если нет острых политических тем, поляризующих общество по принципу "кто не с нами, тот против нас", то проблем не возникает. Но когда поднимаются вопросы о границах, исторической справедливости и прошлом, люди начинают вести себя совсем иначе", – продолжает собеседник.

По его мнению, подобные споры слабо связаны с бытовой реальностью – они переместились в интернет, где приобретают наиболее острый характер. В жизни же эти противостояния почти никогда не выливаются в прямые столкновения.

Однако при вмешательстве извне чувствительные темы быстро политизируются, прокладывая жесткие линии раздела. В таких условиях вопросы этничности выходят на первый план, и людям становится всё сложнее сохранять нейтралитет.

Аслан напоминает, что этим механизмом регулярно пользуются политические лидеры в самых разных странах – от [Слободана Милошевича](#) до современных популистов. Поэтому, считает кавказовед, принципиально важно, чтобы разобщающие нарративы не превращались в инструмент борьбы за власть.

В Махачкале, иллюстративная фотография

Свой взгляд на причины конфликтов на Северном Кавказе и пути снижения напряженности предлагает и доцент кафедры политологии университета Огасты (США) Валерий Дзуцати. Ключевым условием он считает демократизацию – и прежде всего свободные выборы.

Впрочем, признаёт политолог, одна лишь демократизация не решит всех проблем, а сроки и формат возможных изменений остаются неопределёнными.

Важную роль в снижении напряжённости, по мнению Дзуцати, должна играть интеллигенция. Однако в реальности эксперта тревожит обратный тренд:

националистические позиции среди местных интеллектуалов.

"Я имею в виду прежде всего осетино-ингушские отношения. Очень часто интеллигенция со стороны Осетии скатывается в псевдопатриотизм: мол, я буду защищать свой народ любыми средствами, включая неправду. Враньё у нас на Кавказе, к сожалению, очень распространено, именно когда речь заходит об истории. Многие убеждены: "Я сокру в пользу своего народа, но это не грех, а норма, так и должно быть", – поясняет политолог.

**“ Горизонтальных
связей недостаточно,
всплески солидарности
останутся исключениями**

Историческая наука, подчёркивает Дзуцати, должна опираться на объективность, однако так происходит далеко не всегда. Конфликтам способствует и то, что решения в регионе годами принимались без учёта мнения людей – назначенными сверху

руководителями.

"И в советское время, и последние 25 лет кавказцы живут без реальных представителей. Люди часто винят соседние народы, не понимая, как система должна работать на самом деле. А ведь народы должны избирать своих делегатов, чтобы те уже договаривались между собой. Но легитимных представителей сегодня нет, потому что на Северном Кавказе нет реальных выборов – и это осознанная политика Москвы", – подытоживает Дзуцати.

Юристка и правозащитница из Ингушетии, пожелавшая остаться анонимной, придерживается иного мнения. По её словам, говорить о полном единстве народов Северного Кавказа в чрезвычайных ситуациях – преувеличение: "В трагические моменты проявляется естественная солидарность. То, что люди откликаются на чужую боль, не означает, что разногласия исчезли – они просто временно отходят на второй план. Но это лишь короткая реакция, а не изменение отношений. Как только эмоции утихают, люди возвращаются в прежнее информационное поле, где конфликты продолжают воспроизводиться. Поэтому всплески взаимопомощи – просто проявление общей человеческой природы, что можно наблюдать в любой точке мира".

Она подчёркивает: устойчивое взаимопонимание невозможно выстроить только на эмоциях. Для этого необходимы независимые общественные институты, открытый диалог, совместные исследовательские проекты и безопасные площадки, где можно обсуждать острые вопросы без политического давления.

"Доверие невозможно создать искусственно. Оно возникает только тогда, когда люди регулярно взаимодействуют друг с другом как соседи, коллеги, студенты,

исследователи. Пока таких горизонтальных связей недостаточно, любые всплески солидарности так и останутся исключениями", – заключила правозащитница.

- В Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Северной Осетии выросло число зарегистрированных аборт. Почему, вопреки давлению государства и общества, женщины в регионе всё чаще решаются на прерывание беременности – [в материале редакции Кавказ.Реалии](#).
- В Дагестане разрушительные весенние наводнения привели к смене руководства республики, но местные жители всё равно жалуются на неэффективную работу властей и трудности с получением положенных денежных компенсаций. Редакция Кавказ.Реалии разобралась, [с какими проблемами сталкиваются местные жители](#).
- Рамзан Кадыров вновь будет участвовать в выборах главы Чечни. Почему спустя почти два десятилетия Москва не готова к изменениям в республике и существует ли безопасная модель передачи власти – [читайте здесь](#).

Кавказ.Реалии в
Instagram

Кавказ.Реалии в
YouTube

Кавказ.Реалии в
Telegram

